

В. Г. БОГОРАЗ
1865—1936

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ГУСМП при СНК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА
им. П. Г. СМИДОВИЧА

Эт
Б 745

32-5

323a

Издание Чет. Зол.

ПАМЯТИ
В. Г. БОГОРАЗА
(1865—1936)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор академик И. И. Мещанинов

Члены редколлегии: И. Н. Винников, Д. К. Зеленин, С. В. Иванов
и С. Н. Стебницкий

Секретарь редколлегии В. В. Храмова

Технический редактор М. И. Стеблин-Каменский. — Ученый корректор Н. А. Малевич

Сдано в набор 1 октября 1936 г. — Подписано к печати 2 сентября 1937 г.

XX + 382 стр. (112 фиг. в тексте) + 8 вклеек
Формат бум. 72×110 см. — 28 печ. л. — 30,95 уч.-авт. л. — 53,728 тип. зн. в л. — Тираж 1500
Ленгорлит № 4363. — АНИ № 1302. — Заказ № 1981

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Д. К. Зеленин. В. Г. Богораз — этнограф и фольклорист	Стр. V
---	-----------

I

С. В. Иванов. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура	1
Д. К. Зеленин. Обычай „добровольной смерти“ у примитивных народов	47
Т. И. Петрова. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей	79
Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков	123
А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган	147
А. И. Никифоров. Чукотский сказочник и русская сказка	207
Н. Н. Степанов. К истории освободительной борьбы народностей северо-востока Сибири в XVII в.	213
Н. Г. Шпринцин. Индейцы сирионо	227
В. И. Равдоникас. Неолитические поселения западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов северо-восточной Азии	257

II

С. Н. Стебницкий. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка	285
Г. Н. Прокофьев. К вопросу о переходном залоге в самоедских языках	310
К. М. Мыльникова. История развития тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка	325
В. Н. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке	349
Д. А. Ольдерогге. Определение времени и пространства в языках банту	367

С. Н. СТЕБНИЦКИЙ

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДИАЛЕКТОВ НЫМЫЛАНСКОГО (КОРЯКСКОГО) ЯЗЫКА

Начало сравнительному изучению языков чукотской, точнее, луораветланско-нымыланско-ительменской (чукотско-корякско-камчадальской), группы, положил покойный В. Г. Богораз-Тан. В 1922 г. в Америке вышла его большая сравнительная грамматика луораветланского, нымыланского и ительменского языков „Chukchee“, помещенная в „Handbook of American Indian Languages“, изданном под редакцией известного американиста Франца Боаса.¹ Эта капитальная работа дает нам не только подробный анализ фонетики и морфологии рассматриваемых языков, но благодаря богатству и глубине сконцентрированного в ней материала позволяет сделать вывод о весьма близком морфологическом и лексическом родстве языков луораветланского и нымыланского, а также о близости этих языков ительменскому.

Таким образом, на долю В. Г. Богораза пала не только заслуга пионера-исследователя, открывшего перед языковедческой наукой области, дотоле неведомые, бывшие белым пятном на лингвистических картах мира, но также и почетная заслуга ученого-лингвиста, давшего глубокий анализ огромной массы собранного и изученного им материала.

Указанная работа В. Г. Богораза намечает также и дальнейший путь исследований в области изучения этих языков.

Коль скоро вскрыто морфологическое единство и установлено лексическое родство изучаемых языков, дальнейшее исследование должно идти по этапам четкого выявления и объяснения отличительных особенностей каждого из языков: а) фонетических, б) морфологических, в) синтаксических и д) лексических.

Настоящая статья представляет собою начало работы по сравнительному изучению диалектов нымыланского (корякского) языка. Здесь собран материал, вскрывающий основные фонетические различия диа-

¹ Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology. Bulletin 40, part 2, pp. 631—903. Washington, 1922.

лектов нымыланского языка с привлечением сравнительного материала из языка луораветланского (чукотского). Переходя к изложению материала, считаю необходимым с самого начала сделать следующую оговорку: термин „диалект“ употребляется нами условно. Повидимому, при более детальном этнографическом и более глубоком лингвистическом изучении нымыланов большую часть рассматриваемых диалектов придется признать просто говорами нымыланского языка.

1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЫМЫЛАНОВ ПО ДИАЛЕКТАМ

В нымыланском языке мы насчитываем восемь диалектов. Диалект не является единственным отличительным признаком того или иного подразделения говорящих на данном диалекте нымыланов. Каждое подразделение нымыланов, говорящее на том или ином диалекте, кроме языковых особенностей, довольно резко выделяется из среды остальных по способам хозяйства. Можно отметить ряд отличительных черт в области социальных традиций, верований того или иного подразделения. Проводя сравнение между отдельными подразделениями нымыланов в области экономики, мы можем с достаточной определенностью характеризовать чавчувенов как оленеводов, нымыланов-алюторцев как рыболовов, нымыланов паренцев и каменцев как морских охотников, нымыланов палланцев как охотников на пушного зверя. Конечно, это не значит, что палланцы занимаются исключительно охотой. У них достаточно развиты и рыболовство и морской промысел. У нымыланов-алюторцев мы встречаем даже оленеводство. Но дело в том, что для каждого подразделения нымыланов характерен тот или иной основной стержень хозяйства, накладывающий на него свой отпечаток, и наряду с языковым признаком отличия довольно резко выделяющий данное подразделение из среды остальных.

Особенно резко выделяются из общей среды чавчувены, составляющие не менее 50% нымыланской народности. Для всех прочих подразделений нымыланов, кроме чавчувенов, характерен комплексный тип хозяйства, в котором с более или менее равной степенью значимости объединены морская охота, охота на пушного зверя и рыболовство (у алюторцев также оленеводство). Чавчувены же, напротив, — ярко выраженные оленеводы. Можно даже сказать, что они — только оленеводы. Морской промысел чавчувенам совершенно чужд. Пушная охота для них — слабо развитый подсобный промысел. И даже рыболовство не играет особенно значительной роли в их хозяйстве.

Интересно отметить, что в сознании нымыланов резко проводится эта грань, выделяющая чавчувенов из среды остальных групп оседлых, точнее, полуседлых нымыланов. Ни сами чавчувены, ни нымыланы никогда не объединяют их с прочими группами общим самоназванием пыты'и — ‘поселяне’, ‘жители’. Говоря о чавчувенах, нымыланы всегда

называют их (так же как и чавчулены сами себя) — *sāwśwaw*, *ʃəʃiv* (ед. ч. *sāwśw*, *ʃəʃiv*).¹

Однако прежде чем говорить о каждой языковой группировке нымыланов в отдельности, посмотрим, как расселены они в пределах

¹ Название и самоназвание чавчуленов — *sāwśw* (чавчуленский диалект), *ʃəʃiv* (алюторский диалект) не поддается точному переводу. В. Г. Богораз переводит это слово (существующее также в луораветланском языке) как „богатый оленями“. Однако в нымыланском языке оно не имеет такого значения и означает лишь: „принадлежащий к группе оленеводов, говорящих на чавчуленском диалекте“. Вероятнее всего, что слово *sāwśw* происходит от корня *saɟ*, *taɟ*, — *saɟsəɟ* — ‘движение’. В таком случае точное значение слова *sāwśw* определяется, как ‘движущийся’ (точнее ‘движенец’), т. е. ‘кочевник’.

Все „скаска“ и „отписки“ казаков завоевателей Камчатки проводят резкую грань между „оленными“ и „сидячими“ коряками. Например, в „скаске“ пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г. мы читаем: „А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русковаты, ростом средние, говорят своим особым языком... А юрты у них оленье и рондужные. А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобные остяцким юртам. А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики...“ и т. д. (Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. Сборник архивных материалов. Изд. Инст. народов Севера ЦИК СССР, Л., 1935, стр. 31). Последующие „отписки“ вносят еще более мелкие подразделения, упоминая о коряках. „Точно хотели русских людей искоренить олюторы с оленными и сидячими коряками...“ (Допрос служилого А. Лазукова, — там же, стр. 102). И несколько ниже: „...хотели они, коряки, оленной свой табун оставить на Караге а сами с олюторы и со всеми укинскими мужиками быть хотели в вешнее время байдарми морем“ (стр. 103). „Доношение“ майора А. Зыбина от 17 декабря 1753 г. различает „изменников чачеб к коряк...“ (стр. 125). Издатель сборника делает совершенно справедливое примечание: „Чачебы — очевидно извращенное чаучу, т. е. коряки-кочевники“ (стр. 196).

Такое же подразделение коряцкой народности мы находим и у С. Крашенинникова: „Коряки разделяются просто на два же народа на оленных и сидячих“. — Описание земли Камчатки, т. II, стр. 3, СПб., 1786. Интересны замечания С. Крашенинникова о говорах и диалектах нымыланского языка. „Главная разность сего народа (коряков. — С. С.) от камчадалов состоит в языке, в котором по числению господина Стеллера три диалекта первым диалектом или коренным языком говорят Сидячие Коряки у Пенжинского моря и Оленные; и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, который употребляется у Олюторов и от Россиян вторым морским Коряцким языком называется, весьма крепче помянутого. Третьей Чукоцкой, которой выговаривается легче, мягче и с свистом. В прочем между всеми диалектами такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы без труда друг друга разуместь могут.

„Но естли Олюторской диалект почесть за особливой, то столько почти будет диалектов в Коряцком языке, сколько острожков; ибо нет такого острожка, в котором бы не было против других знатной отмены; таким образом Укинской, Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могут назваться особливыми диалектами. А за коренной Коряцкой язык почитают тот, которым говорят Оленные Коряки, для того, что в нем ни где нет большей разности...“ (Там же, т. II, стр. 168.)

К. Дитмар подразделял коряков на 5 групп по языковому признаку, выделяя диалект кочевых коряков, как особый и кроме того насчитывая 4 оседлых диалекта: каменный, палланский, укинский и олюторский (С. von Dittmar „Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen“, SS. 7—20, изд. АН, СПб., 1856).

Проф. В. Г. Богораз, отмечая диалектические различия в нымыланском языке, подразделял диалекты на две группы: западную и восточную, и причислял чавчуленский диалект к западной группе (W. Bogoras. Koryak texts. Leyden, 1917, p. 2).

Корякского национального округа Камчатской области Дальневосточного края.

Административные границы Корякского национального округа являются фактическими границами расселения нымыланов, с той лишь оговоркой, что юго-западный угол территории округа (южная часть Тигильского района) занят 8 ительменскими поселками, — от с. Седанка на севере, до с. Сопочное — на юге. На тундрах, расположенных между поселками ительменов, мы встречаем чавчуженские кочевья вплоть до бывшего (ныне не существующего) ительменского поселка Бело-головое.

Кроме нымыланов (включая чавчуженов), представляющих собой основную массу населения округа (61%),¹ и ительменов (803 чел.) в пределах Корякского национального округа живут следующие народности:

а) Эвены (ламуты), числом свыше 600 чел., небольшими группами они кочуют в пределах всей территории округа. Эвены целиком усвоили способы оленеводства чавчуженов. Все они хорошо владеют чавчуженским диалектом нымыланского языка. Сплошь и рядом мы встречаем кочевья со смешанным эвенско-чавчуженским населением. Словом, эвенов, кочующих в пределах Корякского национального округа, мы можем считать в значительной степени ассимилировавшимися с чавчуженами.

б) На севере округа, в районе хребта Палпал и верхнего течения р. Пенжины кочевья чавчуженов перемежаются с довольно компактной массой луораветланских (чукотских) кочевий. Численность луораветланов, кочующих в пределах Корякского национального округа, — 1024 чел. Луораветланы в противоположность эвенкам держатся несколько особняком. В районе их распространения встречаются чавчужены и нымыланы, свободно говорящие по-луораветлански.

в) Почти во всех оседлых пунктах округа в настоящее время мы встретим русских. Общее число русских в округе, включая и камчадалов (обрусевших ительменов), — 1547 чел.

Корякский национальный округ разделяется на 4 района:

1. Пенжинский район, — северный, территория 163182 кв. км (около 50% территории всего округа) — включает в себя п-ов Тайгонос, все побережье Пенжинской губы до с. Рекинников — на юге, бассейны рр. Пенжины и Куюл-взем, а также район хребта Палпал. Районный центр (райисполком) в с. Каменское (Väjkyap) на устье р. Пенжины.

2. Олюторский район² — северо-восточный, занимает побережье Берингова моря от с. Хатырки — на севере до бухты Анапка — на юге, а также бассейны рр. Апуки, Пахачи, Хайилины, Вывенской и Луно-ваям.

¹ Приводимые данные о численности населения и о величине территории взяты из работы М. А. Сергеева „Корякский национальный округ“. Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера по экономике, т. I, Л., 1934.

² Следует именовать: Алюторский район, поскольку название образовано от национального названия поселка Alut на берегу бухты Корфа.

Районный центр (райисполком) в с. Телички (Tellъссап или Tillyrran) на берегу бухты Корфа.

3. Карагинский район — юго-восточный, территориально самый маленький, но наиболее развитый экономически и культурно, занимает бассейны рр. Анапки, Кичиги, Караги (побережье Берингова моря от бухты Анапки — на севере до с. Хайлюль — на юге) и Карагинский остров. Районный центр в с. Карага (Qarâñпып).

4. Тигильский район, — юго-западный, территория 54305 кв. км от с. Подкагерная — на севере до с. Сопочное на юге. Восточная граница Тигильского района — Камчатский хребет. Районный центр с. Тигиль (Wújъпып).

Оседлые группы нымыланов занимают по побережьям Охотского и Берингова морей полосу территории шириной от 20 до 50 км. Средняя часть округа — хребты и прилегающие к ним тундры заняты кочевниками-чавчувенами. Чавчулены сплошной непрерывной массой встречаются в глубине каждого из 4 районов округа. В Тигильском районе и в северной части Алюторского района (близ устья рр. Апуки и Пахачи) кочевья чавчуленов можно встретить на самом берегу моря. Кочевники — чавчулены составляют не менее 50% всей нымыланской народности.

Оседлые группы нымыланов по районам распределяются следующим образом (начиная с северо-запада):

1. Итканды — на западе Пенжинского района (восточное побережье п-ова Тайгонос) — с. Иткана (Etkânnon) верхняя, средняя и нижняя.

2. Паренцы — с. Парень (Pójtъl) — на восточном побережье п-ова Тайгонос.

3. Каменцы — многочисленная и своеобразная в экономическом, этнографическом и лингвистическом отношениях группа нымыланов, занимает большую часть побережья Пенжинской губы от с. Микино — на севере до с. Мамеч — на юге, — основной поселок — Каменское (Vâjкъпап) на устье р. Пенжины (Пенжинский район).

4. Апукинцы — небольшая группа нымыланов, расселившаяся в бассейне р. Апуки и по побережью Олюторского залива (северная часть Алюторского района), — основной поселок „Арóк-кагъйъп“ („Устье Апуки“).

5. Алюторцы — самая значительная по численности (около 2000 чел.) группа нымыланов. В настоящее время не менее 55—60% алюторцев — кочевники-оленоводы. Алюторцы занимают побережье бухты Корфа (Алюторский район) и далее на юг до с. Тымлат в северной части Карагинского района. Кочевые алюторцы по долине р. Анапки заходят в пределы Пенжинского и Тигильского районов вплоть до сс. Рекинники и Подкагерная.

6. Карагинцы — небольшая группа близко родственная алюторцам, занимают побережье пролива Литке, — сс. Карага (Qarâñпып), Дранка, Ивашка (Mivâппып), — Карагинский район.

7. Палланцы — поселки: Лесная (Wejémleñ), Кинкиль (Kinkilatun), Паллана (Qəc'et), Кахтана (Qakt'pnon), Ваямполка (Wajəmpylqan) — в северной части Тигильского района.

Подсчет нымыланов по признаку принадлежности к той или иной языковой группировке никогда не производился. Численность каждого подразделения нымыланов можно определить лишь приблизительно, основываясь на данных переписи 1926 г.¹

По приблизительному подсчету мы насчитываем:

1) чавчуленов	3500—3700 чел.
2) алюторцев	1800—2000 "
3) каменцев	700—750 "
4) палланцев	450—500 "
5) карагинцев	около 300 "
6) апукинцев	" 200 "
7) паренцев	" 150 "
8) итканцев	" 100 "

Ознакомившись вкратце с экономическими особенностями каждого подразделения нымыланов, говорящего на том или ином диалекте, с их расселением в пределах Корякского национального округа и примерной численностью каждой группы, можно перейти непосредственно к сравнительному анализу диалектов нымыланского языка. Первым этапом сравнительного анализа мы вынуждены избрать рассмотрение основных фонетических различий между диалектами, так как по этой линии наиболее резко разнятся между собою диалекты нымыланского языка.

2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ДИАЛЕКТОВ

Основные отличия диалектов нымыланского языка друг от друга, как уже было сказано выше, — отличия фонетические.

Восемь диалектов нымыланского языка можно сгруппировать по двум признакам.

I

а) Диалекты, характеризующиеся звуком *j* (условно будем называть их „я-кающими“).

б) Диалекты, характеризующиеся звуками *t*, *g*, („ра-кающие“ или „та-кающе-ра-кающие“).

II

а) Диалекты, характеризующиеся звуком *e* („э-кающие“).

б) Диалекты, характеризующиеся звуком *a* („а-кающие“).

I. Будучи разделены по первому признаку, диалекты распадаются на северную „я-кающую“ группу и южную „ра-кающую“. В северной группе мы насчитываем 5 диалектов, в южной — 3 диалекта.

¹ Список населенных мест Камчатского округа — Дальневосточное краевое статистическое управление, Хабаровск — Благовещенск, 1928.

Таблица 1

а) „Я-кающая“ (северная) группа диалектов	б) „Ра-кающая“ (южная) группа диалектов
1) Чавчувенский 2) Каменский 3) Апукинский 4) Паренский ¹ 5) Итканский ¹	1) Алюторский 2) Карагинский ² 3) Палланский

Для сравнения произношений северной и южной групп возьмем примеры из чавчувенского и алюторского диалектов. Имея в виду дальнейшее изложение, привлечем также материал луораветланского (чукотского) языка.

Таблица 2

Д и а л е к т ы		Луораветланский яз.	Значение слова
Чавчувенский	Алюторский		
jajaŋa	raŋaŋa	jaŋaŋ	кочевая юрта
qojaŋa	qoŋaŋa	qoŋaŋ	домашний олень
jъkъŋŋ	гъkъŋŋ	jъkъŋŋ	рот
qerej	qapar	q [*] per	росомаха
jaŋol	tatul	jaŋcol	лиса
jiquk	tiqok	riquk	песец
jъjka	tъtka	гъrka	морж
jъlgyŋŋ	tъlgyŋŋ	гъlgyŋŋ	палец

¹ Паренский и итканский диалекты могут быть выделены в особую „ча-кающую“ группу, так как в целом ряде случаев мы встречаем в этих диалектах звук с (русс. 'ч') там, где в прочих диалектах встречаются звуки: j (в „я-кающих“) или t, r (в „ра-кающих“).

² В моей статье „Нымыланский язык“, — Языки и письменность народов Севера, т. III. Труды по лингвистике научно-исследовательской ассоциации Инст. народов Севера ЦИК СССР, т. III, М.—Л., 1934, выделен особый „укинский диалект“. При ближайшем рассмотре-

Примеры, приведенные в этой таблице, характеризуют нам чавчу-венский диалект как „я-кающий“, а люторский диалект как „та-кающе-ра-кающий“, луораветланский же язык как резко „ра-кающий“, в некоторых случаях, правда, с оттенком „я-кания“. Причина последнего обстоятельства будет выяснена ниже.

„Ча-кающий“ характер паренского диалекта может быть иллюстрирован 4 и 5 примерами табл. 2.

Таблица 3

Д и а л е к т ы		Значение слова
Чавчувенский	Паренский	
qérej	qéres	росомаха
jajol	cácol	лиса

II. Группировка диалектов по второму признаку, — разделение на „э-кающие“ и „а-кающие“, — не совпадает с первой. Здесь мы имеем восточную „а-кающую“ группу и западную „э-кающую“. Причем чавчувенский диалект остается вне этой группировки, он занимает как бы среднее положение между „э-кающей“ и „а-кающей“ группами, правда, со значительно большим уклоном в сторону „э-кающих“.

По признаку „э-кающих“ и „а-кающих“ диалекты распределяются следующим образом:

Таблица 4

„Э-кающая“ (западная) группа	„А-кающая“ (восточная) группа
1. Палланский 2. Паренский 3. Итканский	1. Алюторский 2. Карагинский 3. Апукинский 4. Каменский
Чавчувенский	

нии материалов, собранных мною в Карагинском районе Корякского национального округа весной 1934 г., выявились лишь весьма незначительные отличия в говорах нымыланского населения района поселка Караги, с одной стороны, и поселков Уки—Ивашки — с другой. Поэтому в настоящей статье под названием карагинского диалекта объединены языковые группировки, ранее рассматривавшиеся раздельно как диалекты карагинский и укинский. Название „тигильский“ диалект заменено названием „палланский“, исходя из принципа названия диалекта по главному поселку группы.

Деление диалектов на восточные и западные несколько неточно, каменский диалект нельзя считать в полном смысле слова восточным, поскольку территория распространения его — северо-восточная часть Пенжинской губы — расположена, в сущности, в северо-западной части Корякского национального округа, во всяком случае, по западную сторону Камчатского хребта. Однако, поскольку большая часть „а-кающих“ диалектов распространена в восточной части округа, „а-кающая“ группа названа восточной.

Вообще, разделение диалектов на „э-кающие“ и „а-кающие“ не столь абсолютно, как группировка их по признаку „я-кающих“ и „ра-кающих“. Итканский диалект хотя и отнесен к группе „э-кающих“, однако, в нем тенденция „э-кания“ выражена не столь резко, как в палланском или паренском диалектах. То же самое карагинский диалект в иных случаях обнаруживает довольно отчетливые признаки „э-кания“.

Для „э-кающих“ диалектов наиболее типичным является палланский. Примеры произношения „а-кающих“ диалектов возьмем из алюторского.

Для сравнения приведем также примеры из чавчувенского диалекта и луораветланского языка.

Таблица 5

Диалекты			Луораветлан- ский яз.	Значение слова
Палланский	Алюторский	Чавчувенский		
éjek	ǎjak	éjek	éek	жировая лампа
és ep	ac an	ac an	éсɲp	жир
wéjem	vǎjam	wéjem	wéem	река
léwut	lǎvut	léwut	léut	голова
rémkɲn	rǎmkɲn	jǎmkɲn	rémkɲn	кочевье
élek	ǎlak	ǎlak	élek	летом
pénin	pǎnin	pénin	pénin	прежний
ewévi	awǎvi	eqévi	ekwétgi	отправился

Каждый из восьми вышеперечисленных диалектов имеет ряд чисто индивидуальных отличительных особенностей как фонетических, так и морфологических.¹ Так, например, в каменском диалекте мы находим ряд

¹ Настоящая статья представляет собою вводную главу подготовляемого к печати исследования диалектов нымыланского языка. Рассмотрению индивидуальных фонетических и морфологических особенностей диалектов нымыланского языка посвящены следующие главы этой работы, не вошедшие в этот сборник.

признаков, характерных для луораветланского (чукотского) языка. Каргинский диалект имеет некоторые элементы, роднящие его с ительменским языком.

Для „э-кающих“ диалектов наиболее характерным является строгое соблюдение закона гармонии гласных.

Ряды гармонии гласных в нымыланском (так же в луораветланском) языке следующие:

Таблица 6

Изменяющиеся гласные (1 ряда)	i	e	u
Изменяющие гласные (2 ряда)	e	a	o
Нейтральные гласные	э ь		

По закону гармонии гласных, основа слова (или суффикс), заключающие в себе гласные 1 ряда, встречаясь с суффиксом (или основой), заключающими в себе гласные 2 ряда, изменяют свои гласные 1 ряда на соответственные гласные 2 ряда, например:

kéwjiŋ — ест, káwjełan — едят, — основа — ewji/awje.

Основа ewji изменила свои гласные во втором случае под влиянием звука *a* в суффиксе — *lan*.

Útt'ut — дерево, ótt'jan — деревянный дом, — основа — utt/ott.

Основа utt в комплексном сочетании с основой *ja* изменила *u* на *o* под влиянием звука *a* в основе — *ja*.

Короче говоря, гласные 1 ряда не могут присутствовать в одном и том же словообразовании с гласными 2 ряда.

Однако, обратившись снова к табл. 4, мы заметим, что в примерах слов алыторского диалекта сплошь и рядом сочетаются в одном слове *i* с *a* и *u* с *a*, — например, в словах *páñin* — прежний, *lávut* — голова, *awâvi* — отправился и т. д.

Все „а-кающие“ диалекты совершенно не соблюдают закона гармонии гласных в отношении звука *a*. Однако сочетания звуков *o* или *e* 2 ряда со звуками *i*, *u* в них так же недопустимы, как и в „э-кающих“ диалектах. Чавчувенский диалект в некоторых случаях, правда сравнительно редких, совпадает с „а-кающими“ диалектами. Ряд основ в чавчувенском диалекте имеет „а-кающую“ огласовку, тогда как в палланском диалекте те же самые основы мы встречаем в огласовке „э-кающей“. Причем характерно, что звук *a* таких основ, отступивших от соблюдения гармонии гласных,

является как бы нейтральным, т. е. свободно сочетается со звуками *i*, *u*, — например:

Таблица 7

Д и а л е к т ы		Луораветланский яз.	Значение слова
Палланский	Чавчувенский		
remkɔn	jamkɔn	remkɔn	кочевье
elek	alak	elek	летом
ereti	aʃate	eretgi	он упал
teɣɔɾniŋkɔ	taɣɔɾniŋkɔ	teɣɔɾniŋkɔ	охотиться
titkermek	tiʃkajmak	tirkermek	при царе
keʃɟuwi	kajɟu	keʃɟɔt	медведи
pleku	plaku	plekɔt	обувь (мн. ч.)
nelgu	nalgu	nelɟɔt	оленьи шкуры

Третий раздел таблицы показывает, что луораветланский язык является в такой же степени „э-кающим“, как палланский диалект нымыланского языка. Таким образом, в отношении соблюдения закона гармонии гласных различными диалектами нымыланского языка и луораветланским языком наблюдается следующая картина:

а) „а-кающие“ диалекты совершенно не подчиняются этому закону в отношении звука *a*, который в этих диалектах является как бы нейтральным.

б) „э-кающие“ диалекты нымыланского языка и луораветланский язык полностью соблюдают закон гармонии гласных.

с) в чавчувенском диалекте мы наблюдаем известное количество отступлений от этого закона.

Очевидно мы имеем здесь дело с общей для нымыланского языка, в целом, тенденцией распада гармонии гласных, причем процесс распада происходит в сторону перегласовки на *ɛ*. Наиболее развившимся в этом направлении является алюторский диалект. В чавчувенском диалекте можно отметить первые признаки проявления „а-кающей“ тенденции.

Вторым критерием классификации диалектов нымыланского языка мы взяли разделение их на „я-кающие“ и „та-кающе-ра-кающие“.

В отношении отсутствия звука *ɣ* все „я-кающие“ диалекты стоят ближе к чавчувенскому диалекту, чем к диалектам ра-кающей группы. Однако „я-кающие“ диалекты — каменский, итканский и паренский — все же обнаруживают вполне отчетливую тенденцию перехода чавчувенского *j*, если не в *ɣ*, то в фонетически родственные звуку *ɣ* спиранты того же переднеязычного ряда, а именно в звуки *ʃ*, *ʒ*.

Особенно характерен в этом отношении каменский диалект.

Таблица 8

Д и а л е к т ы			Значение слова
Чавчувенский	Каменский	Алюторский	
jajəŋa	zəaŋa	garəŋa	кочевая юрта
jajtək	zəjtək	rétək	возвращаться домой
jəŋjəlbək	zəŋzə'sqak	jəŋrə'sqak	на обрыве
jonətgəjŋən	zunətgəjtŋən	jənətgəjtŋən	жизнь
tekjetək	təkəjtək	takrətək	спускаться
jiwlek	si'wlek	tivlak	тащить
jələŋ	şələŋ	tələŋ	туда, дальше

Из сравнения некоторых слов чавчувенского, каменского и алюторского диалектов мы ясно видим, что звуку j чавчувенского диалекта, которому в алюторском диалекте соответствуют звуки g, t, в каменском диалекте соответствуют звуки z, ş.

В итканском и паренском диалектах звук z отсутствует. Однако случаи соответствия чавчувенского j звукам ş, c, t наблюдаются в этих диалектах в большом количестве. Особенно часто на месте чавчувенского j мы встречаем в итканском и паренском диалектах звук ş, — например:

Таблица 9

Д и а л е к т ы				Значение слова
Чавчувенский	Итканский	Паренский	Алюторский	
qérej	qéreş	qéreş	qāpar	росомаха
ŋajŋənojtəŋ	nəşənojtəŋ	nəşənojtəŋ	gərgənoŋ	наружу
jiquk	siquk	tiquk	tiqok	песец
jəjol	cacul	cacul	tatul	лиса
iccet	işes	?	irran	охотничья партия (бригада)

Предыдущие две таблицы говорят о следующих соответствиях согласных звуков по диалектам:

$t \sim c \sim ş \sim z \sim r \sim j$

Правда, многие формы паренского, итканского и каменского диалектов совершенно совпадают с чавчувенскими в отношении „я-кания“.

Принимая во внимание „я-кающий“, в основном, характер каменского и паренского диалектов, нам пришлось отнести их в „я-кающую“ группу. Однако „я-кание“ диалектов, относящихся к этой группе, наблюдается в каждом из них в весьма различной степени. Абсолютно „я-кающими“ являются диалекты чавчувенский и апукинский. Следующими по степени „я-кания“ должен быть признан каменский диалект. Правда, в нем мы нашли наибольшую степень приближения к „ра-кающей“ группе — звук ζ . Однако, в виду того что суффиксы $-j\kappa n$, $-la j$ и целый ряд других форм в каменском диалекте имеют „я-кающий“ характер, а в паренском и итканском диалектах мы встречаем в этих формах звуки ξ или t , каменский диалект в общей массе гораздо богаче „я-канием“, чем диалекты паренский и итканский.

Сравнение диалектов „я-кающей“ группы между собою приводит нас к следующим выводам:

- 1) Звук g отсутствует во всех диалектах этой группы.
- 2) Звук ξ свойственен всем диалектам „я-кающей“ группы, за исключением чавчувенского.
- 3) Одному из диалектов „я-кающей“ группы — каменскому, свойственен звук z , соответствующий чавчувенскому j , итканским и паренским s , s , t .
- 4) Для итканского и паренского диалектов в роли каменского z характерны звуки ξ , s .

Привлекая для сравнения материал „та-кающе-ра-кающих“ диалектов нымыланского языка, а также материал луораветланского языка, мы можем составить следующую таблицу соответствий согласных звуков по диалектам:

Таблица 10

Диалекты:				
Чавчувенский	j	c	c^t	cc
Апукинский	j	c	c	cc
Каменский	j, z, ξ, t	s	s, t	ss
Итканский	s, c	s, j	ξ	$j j, ss$
Паренский	s, t, c	ξ	ξ	ss, tt
Алюторский	r, t	ξ	t	$tt, tr, rr, r j, t j$
Карагинский	r, t	ξ	t	$tt, tr, rr, r j, t j$
Палланский	r, t	ξ	t	$tt, tr, rr, r j, t j$
Луораветланский язык (мужское произношение)	$r(j)$	t	t	$tt, r, rr, r j, c^j$

Анализируя распределение диалектов по признакам „э-кания“ и „а-кания“, мы отметили наличие в нымыланском языке процесса разру-

иметь возможность продолжить анализ фонетических различий между диалектами.

Одним из наиболее существенных морфологических отличий чавчунского диалекта от оседлых диалектов нымыланского языка является свойственная чавчунскому диалекту форма спряжения глагола в настоящем времени. В этом отношении чавчунский диалект совпадает с одним лишь апукинским диалектом. В чавчунском и апукинском диалектах форма спряжения глагола в настоящем времени характеризуется префиксом *ku-/ко-* и суффиксом *-п*. В остальных диалектах та же самая форма характеризуется только суффиксом. Суффикс этот *-йкп* (в „я-кающих“ диалектах) или *-ткп* (в „ра-кающих“), *-гкп* (в луораветланском языке). Для иллюстрации дадим сравнительную таблицу по четырем диалектам нымыланского языка. Возьмем также примеры из луораветланского языка.

Таблица 11

Диалекты				Луораветлан- ский яз.	Основа	Значение слова
Чавчу- венский	Апукин- ский	Камен- ский	Алютор- ский			
<i>koŋvoŋ</i>	<i>koŋvoŋ</i>	<i>ŋvoŋkɣp</i>	<i>ŋvotkɣp</i>	<i>ŋoŋkɣp</i>	<i>ŋvo</i> (<i>ŋo, ŋvo</i>)	начинается
<i>kukjɛvɛŋ</i>	<i>kukjɛvɛŋ</i>	<i>kɣjɛvɛj- kɣp</i>	<i>kɣjɛvɛt- kɣp</i>	<i>kɣjeurkɣp</i>	<i>kjɛv/kjɛv</i>	пробуждается
<i>kitɛŋ</i>	<i>kitɛŋ</i>	<i>itɛjkɣp</i>	<i>itɛtkɣp</i>	<i>itɛrkɣp</i>	<i>it/et</i>	(он) есть
<i>kotvaŋ</i>	<i>kutvaŋ</i>	<i>vajkɣp</i>	отсутств.	<i>varkɣp</i>	<i>tva (va)</i>	пребывает
<i>kujɣlqetɛŋ</i>	<i>kujɣlqatɛŋ</i>	<i>ɣɣlqatɛj- kɣp</i>	<i>jɣlqatɛt- kɣp</i>	<i>jɣlqetɛrkɣp</i>	<i>jɣlqet/jɣlqat</i>	спит
<i>kovetɛtɛŋ</i>	<i>kovetɛtɛŋ</i>	<i>vetatɛjkɣp</i>	<i>vetatɛt- kɣp</i>	<i>migciretɛrkɣp</i>	<i>vetat</i> (луор.— <i>migciret</i>)	работает

В таблице приведены глагольные формы 3-го лица ед. числа наст. времени как наиболее простые, не имеющие каких-либо добавочных префиксов и суффиксов, указывающих на лицо или число действующего субъекта. Например, в формах 1-го л. ед. ч. *t* — и мы имеем префикс *тъку-/тъко-*; формы мн. числа усложняются признаком множественности, суффиксом *-ла-*, и мы имеем во мн. числе спряжения глагола в настоящем времени вместо суффикса *-п*, суффикс *-лап*.

Суффикс *-йкп* (алюторский *-ткп*, луораветланский *-гкп*) не чужд чавчунскому диалекту. Мы встречаем этот суффикс в глагольных формах условного (пожелательного) наклонения, например:

qɣvɛtate(j)kɣp — поработал (пусть будешь работать), основа *vetat*;
ɣjɣpɛtɛ(j)kɣp — пусть он живет, основа *jɣpɛt*.

Кроме того, на ряду с обычной формой будущего времени, характеризующейся префиксом *je-* | *ja-* и суффиксом *-ŋ* (совпадающим с суффиксом *-ŋ* спряжения наст. вр.), в чавчувенском диалекте существует форма будущего времени более условного характера, признаками которой являются тот же префикс *je-* | *ja-* и суффикс *-jкьп*, например:

jejūpetjкьп — будет жить (в смысле „он предполагает там жить“), основа *jūpet* | *jopat*.

javétatjкьп — будет работать (в смысле „он должен работать“), основа — *vetat*.

Во всех прочих диалектах немыланского и луораветланского языков также имеются вышеприведенные формы условного (пожелательного) наклонения и условного будущего времени и характеризуются они тем же суффиксом *-jкьп* (*-ткьп*, *-гкьп*), однако в остальных диалектах немыланского и луораветланского языков суффикс этот, кроме того, служит также показателем настоящего времени.

Поскольку суффикс *-jкьп* (*-ткьп*, *-гкьп*) не чужд чавчувенскому диалекту и существует во всех прочих диалектах немыланского языка, а также поскольку мы встречаем его в луораветланском языке с тем же самым значением, как в оседлых диалектах немыланского языка, мы вынуждены признать значительную древность этой формы в языках немыланско-луораветланской группы. Форма же *ku-* | *ko-* — *-ŋ* соответственно этому либо должна быть признана возникшей позднее, когда чавчувенский диалект уже изолировался от остальных как язык племени, либо, наоборот, является пережитком языка, сохранившимся только в чавчувенском диалекте и утерянным прочими диалектами. Последнее предположение кажется более вероятным. Дело в том, что форма *ku-* | *ko-* — *-ŋ* не есть форма настоящего времени в строгом смысле этого слова. В чавчувенском диалекте мы, сплошь и рядом, встречаем следующие словосочетания:

aŋon kitŋ — „Когда-то есть“ (т. е. „когда-то было“);

əŋkyjer kujunetŋ — „Давно живет“ (т. е. „давно жил“).

Длинное повествование о давнопрошедших временах почти всегда целиком построено на формах *ku-* | *ko-* — *-ŋ*. Иными словами, форма *ku-* | *ko-* — *-ŋ* объединяет понятие настоящего и прошедшего времени, т. е. представляет собой не что иное, как аорист. В алюторском диалекте форма *vetatjкьп* значит — „он работает“ и ничего больше, именно, сейчас, в настоящее время работает. То же самое в каменском или в каком-либо другом „я-кающем“ диалекте — *vetatjкьп* — „он сейчас работает“.

В оседлых диалектах функцию аориста выполняют формы, по значению близкие к формам причастия. Формы эти характеризуются префиксом *ge-* | *ga-* и суффиксами, образованными от основ личных местоимений. Морфологически эти „причастные“ формы оседлых диалектов, конечно, ничего общего не имеют с формой *ku-* | *ko-* — *-ŋ* чавчувенского диалекта. Они близки лишь по своему смысловому значению (аорист).

Не находя аналогий чавчувенской форме $ku- | ko- -\eta$ ни в одном из диалектов нымыланского языка, кроме апукинского, ни в луораветланском языке, мы в праве итти дальше и искать этих аналогий в третьем сочлене луораветланско-нымыланско-ительменской языковой группы — в языке ительменском. Мы не находим в ительменском языке какой-либо особой формы аориста. Обращаемся к „причастным“ формам ительменского языка:

Таблица 12

1-я форма „причастия“		2-я форма „причастия“	
префикс	суффикс	префикс	суффикс
k'-	-in/-en/-an	k'-	-кьηin/-кьηen

На конкретных примерах особенно бросается в глаза близость ительменских „причастных“ форм форме $ku- | ko- -\eta$ чавчувенского диалекта:

Таблица 13

Чавчувенский диал. нымыл. яз.	Ительменский яз. (1-я форма)	Ительменский яз. (2-я форма)	Основа слова	Значение основы
kunηjin	k'nuin	k'nukьηin	nu/no	$\left\{ \begin{array}{l} \text{съедать} \\ \text{потреблять} \end{array} \right.$
kule'ηjin	k'lexlin	k'lex кьηin	$\left\{ \begin{array}{l} \text{нымыл. le'u} \\ \text{ительм. lexl} \end{array} \right.$	
kovətatьη	k'vetaten	k'vetatкьηen	vetat	$\left\{ \begin{array}{l} \text{видеть} \\ \text{работать} \end{array} \right.$

Ительменская форма $k'- -in | -en$ представляется наиболее формально близкой форме $ku- | ko- -\eta$ чавчувенского диалекта, особенно если принять во внимание, что в ительменском языке мы в целом ряде случаев наблюдаем звук п там, где в нымыланском языке встречается звук η , например:

Таблица 14

Д и а л е к т ы		Ительменский яз.	Значение слова
Чавчувенский	Алюторский		
miŋкьje	maŋкьt	manke	куда
ŋьnvьq	(amкьka)	пьньŋ	много
ŋьqleŋкь	laqlaŋкь	xankule	зимой

Конечно, вопрос о соответствии ительменских „причастных“ форм форме *ku- | ko- — -ц* чавчувенского диалекта нымыланского языка требует дополнительного рассмотрения. Если же это соответствие окончательно подтвердится, то сделанное сопоставление приведет нас к выводу о том, что чавчувенский (так же апукинский) диалект сохраняет более древние формы нымыланского языка.

Однако вернемся к рассмотрению фонетических различий между диалектами. Анализируя табл. 10, мы сделали предположение о наличии в нымыланском языке процесса расщепления аффрикатов *c, c', cc*, в результате которого мы имеем в настоящее время соответствия по диалектам согласных передне-язычного ряда (а также средне-язычного *j*).

Нет сомнений в том, что собственные мужские и женские имена нымыланов, а также имена и прозвища героев нымыланской мифологии как элементы языка, непосредственно соприкасающиеся с наиболее консервативным социальным фактором — религией, должны были дольше сохранить первоначальную фонетическую форму, чем слова того же корня, однако не имеющие отношения к религии. И, действительно, подтверждение этому мы находим на примерах, правда, пока только трех слов, которые представляют собою названия промысловых зверей, — „лиса“ и „белуха“. Сопоставляя названия этих двух зверей с собственными именами, происходящими от того же корня, а также с именами героев мифологии, мы видим, что имена собственные и имена сказочные сохраняют аффрикат *c*, тогда как в промысловых словах того же корня мы встречаем в различных диалектах те или иные согласные нижнего ряда схемы А (см. стр. 298).

Таблица 15

Диалекты	Слово „лиса“	Собственное имя	Сказочное прозвище лисы
Чавчувенский	jaɟol	Caɟol ¹ (мужское)	Jaɟoca-ɟawut ²
Алукторский	tatul	Caɟuc ¹ (женское)	Caɟuca-ɟawut ²
Итканский	caɟul		
Луораветланский яз. . .	jaɟcol		

¹ Имена *Caɟol*, *Caɟuc* в сознании нымыланской массы в настоящее время, конечно, утратили свое первоначальное смысловое значение, чему способствовало возникшее в процессе развития языка различие звукового состава этих имен и предметных основ, первоначально с ними тождественных. Однако лица, более тонко разбирающиеся в своем родном языке, до настоящего времени сохранили ощущение первоначального смысла этих имен. Ограничусь примером из нарождающейся нымыланской художественной литературы: т. Кецай Кеккетын, в настоящее время студент Института народов Севера, в своей повести о жизни батрака Эвныто избрал для имени хитрого как лисица кулака, хозяина Эвныто, имя *Caɟol*, ясно сознавая, что это имя и современное слово чавчувенского диалекта *jaɟol* — „лиса“ имеют в себе нечто общее (см. Кецай Кеккетын. — „Евныто val'an“. Изд. Детской литературы при ЦК ВЛКСМ, Л., 1936).

² (-ɟewut) / -ɟawut — обычное окончание женских имен, от корня *ɟew/ɟaw* — женщина.

Таблица 16

Диалекты	Слово „белуха“	Сказочное „белушее существо“ или „белуха-человек“
Чавчувенский	jij'ij (осн. jiji)	Cicic'ən (основа cici)
Палланский	riri'ŋe (осн. riri)	Cicis'ən или Sisis'an ¹

С точки зрения все того же процесса расщепления аффрикатов *c, c'*, *cc* небезинтересно луораветланское слово *jaicol*, приведенное в табл. 15 и охарактеризованное ранее при анализе сопоставлений, данных в табл. 2 (см. стр. 291) как отступление от „ра-кающей“ тенденции луораветланского языка. В луораветланском языке слово *jaicol* — лиса существует на ряду с описательным термином *selgʷ-reqokalgʷ* — „красный песок“. Оно видимо, вытесняется описательным термином. И это вполне понятно. Лиса на территории луораветланов встречается гораздо реже, чем песок. Что же мы видим? — Малоупотребительное и вытесняемое слово *jaicol* именно благодаря тому, что оно редко употребляется и начинает забываться, не подчинилось „ра-кающей“ тенденции луораветланского языка и сохранило более древнюю фонетическую форму, характеризующуюся аффрикатом *c* и спирантом *j*, тогда как в алюторском и прочих „ра-кающих“ диалектах нымыланского языка на соответствующих местах мы встречаем в этом слове смычный *t*.

	Чавчув. диал.	Алют. диал.	Палл. диал.	Луор. яз.
лиса:	jaicol	tatul	tatol	jaicol

Если мы признаем более архаичный характер женского произношения в луораветланском языке по сравнению с мужским, то и в этом мы найдем факты, подтверждающие наличие в языке процесса расщепления указанных аффрикатов. Луораветланские женщины произносят *c* (звук близко родственный русскому *ц*) как раз там, где в мужском произношении луораветланского языка мы имеем звук *r* (русс. *р*) например (по В. Г. Богоразу):

Мужск. произношение	Женское произношение
gamkʷsɣɐ — народ	camkʷsɣɐ — народ
gəqərkɐ — „что ты делаешь“	səqəsɣɐ — „что ты делаешь“

То же самое в несколько других соответствиях мы наблюдаем в алюторском диалекте нымыланского языка.

¹ Суффикс *-s'ən, -c'ən, -l'ən* — словообразующий суффикс, придающий предметной основе значение: „имеющий отношение к данному предмету“, например: *пъ'тпът* — посёлок, основа *път*; *пъты'ən* — поселянин, житель.

Таблица 17

Мужское произношение	Женское произношение	Перевод
<div style="border: 1px solid black; display: inline-block; padding: 2px;">-s</div> asgi pʁʂa sasus	<div style="border: 1px solid black; display: inline-block; padding: 2px;">c</div> asgi pʁsa sasuc	сегодня, теперь, сейчас постой, погоди женское имя

Отметим теперь еще один фонетический процесс, который, правда, едва лишь намечается в языке.

Процесс этот — переход от дифтонгов к монофтонгам.

„Ра-кающий“ алюторский диалект не раз был отмечен как ушедший наиболее далеко вперед по пути развития I и II фонетических процессов. Сравнительный словарь алюторского и чавчуvenского диалектов, вернее, сравнение алюторского диалекта со всеми прочими диалектами нымыланского языка выявляет нам еще один весьма интересный индивидуальный отличительный признак алюторского диалекта. Обратимся к материалу:

Таблица 18

Значение слова	Д и а л е к т ы			
	чавчуvenский	алюторский	Дифтонг чавч. д.	Монофтонг алют. д.
Сущ. „оленовод“	sawcɔw	sosiv	au (aw)	o
„куропатка“	jewjew	goro	eu/au (ew/aw)	o
„в (на) голове“	lewɬɬk	lotɬk	eu/au (ew/aw)	o
Глаг. „есть“ (питаться)	ewjik	ojik	eu/au (ew/aw)	o
Прил. „безголовый (неумелый) ты“	elejɬɬkejgi	alotɬkeɣ	1 ei (eu) ai (au) 2 ei/ai	1) o 2) e
Сущ. „медведь“	kajɬɬɬp	keɬɬɬp	ai (aj)	e
Глаг. „возвращаться“	jaɬɬɬk	reɬɬk	ai (aj)	e
Нар. „скверно“	aɬajqɬka	aɬeqɬka	ai (aj)	e
Сущ. „гусь“	ejtu'ejt	itu'it	ei (ej)	i
Нар. „близко“	cejɬɬk	simɬk	ei (ej)	i
Союз „ибо“	mɬjew	mɬrej, mri	eu (ew)	ei, i
Суфф. длительности действия .	-lqew-	-lqej-, -lqi	eu (ew)	ei, i

Анализируя приведенные примеры, мы должны принять во внимание, что 2, 3 и 4-й примеры не являются переходами чавчуvenского

дифтонга *eu* в алюторское *o*. Алюторский диалект как „а-кающий“ дал сначала перегласовку чавчувенских слов со звуком *e* на *a*, т. е. в алюторском диалекте было:

lawtʔk	вместо чавчувенского	lewʔk
jawjaw	„	jewjew
awjik	„	ewjik

Таким образом, во 2, 3 и 4-м случаях имеем вполне закономерный переход сначала *eu* ~ *au*, а затем *au* ~ *o*.

Чистый дифтонг *eu* (со звуком *e* 2 ряда) в алюторском диалекте сначала перешел в дифтонг *ei*. В настоящее время дифтонг этот по аналогии с прочими случаями перехода *ei* ~ *i* также переходит в *i*. Для слова *mej* очень характерно двойное произношение его представителями алюторского диалекта. В слове *elejʔkejgi* — первый дифтонг *ei* в самом чавчувенском диалекте получил перегласовку *eu* ~ *ei* (основа *lewt | lawt*), — голова. Алюторский же диалект преобразовал это слово согласно своей тенденции монофтонгизации из его первоначального вида *elewʔkejgi* — сначала в *alawʔkej*, как „а-кающий“, а затем в *alotʔkej*, как монофтонгизирующий. Таким образом, и в этом, на первый взгляд, отступающем от общего правила случае мы имеем те же закономерные переходы: *eu* ~ *au* ~ *o* и *ei* ~ *ai* ~ *e*.

Следовательно, мы имеем следующие соответствия монофтонгов алюторского диалекта дифтонгам чавчувенского:

Таблица 19

Чавчувенский диалект	au	eu	ai	ei
Алюторский диалект	o	ei, i	e	i

Дифтонги *ui* (*u*) и *oi* (*o*) в алюторском диалекте не монофтонгизируются. Дифтонгов типа *ia*, *ea*, *ua* в нымыланском языке нет.

Теперь нам предстоит задача рассмотреть, как относятся к процессу монофтонгизации прочие 6 диалектов нымыланского языка.

Таблица 20

Чавчувенский диалект	au	eu (ei)	ai	ei
Апукинский „	au	eu	ai	ei
Каменский „	au	au	ai	i
Итканский „	au	eu	ai	i
Паренский „	au	eü	ai	i
Палланский „	au	ei, i	ai	i
Карагинский „	au, o	ei, i	ai	i
Алюторский „	o	ei, i	e	i

В луораветланском языке процесса монофтонгизации дифтонгов не наблюдается.

Таким образом, мы приходим к заключению о наличии трех фонетических процессов в нымыланском языке, по линии развития которых намечаются основные фонетические расхождения диалектов нымыланского языка. Процессы эти следующие:

I. Процесс разрушения гармонии гласных, по мере развития которого происходит разделение диалектов на „э-кающие“ и „а-кающие“.

II. Процесс расщепления аффрикатов *c*, *c'*, *cc*, результатом которого является разделение диалектов на „я-кающие“ и „та-кающе-ра-кающие“.

III. Процесс монофтонгизации дифтонгов.

Наиболее развившимся по линии всех трех процессов представляется нам алюторский диалект. Наиболее отсталым — чавчувенский. Эти два диалекта являются как бы двумя „фонетическими полюсами“ нымыланского языка, между которыми в стройный ряд располагаются все прочие диалекты.

Мы могли бы попытаться обосновать предположение о задерживающем влиянии чавчувенского диалекта на известную часть прочих диалектов и о прогрессивном влиянии алюторского диалекта на другую часть их. В зависимости от степени проявления того или иного влияния мы могли бы усмотреть в одних диалектах говоры чавчувенского диалекта в узком смысле этого слова, в других — говоры алюторского диалекта. Однако для того чтобы делать какие-либо выводы о распределении языковых группировок, объединяемых нымыланским языком на говоры в пределах диалектов, мы пока еще не имеем достаточных этнографических данных; основываясь же на одних языковых данных сделать этого невозможно.

В плане продолжения настоящей лингвистической работы перед нами стоят следующие задачи: 1) рассмотреть и проанализировать основные морфологические различия диалектов; 2) рассмотреть и проанализировать индивидуальные отклонения диалектов от общей фонетической и морфологической нормы; 3) рассмотреть и проанализировать расхождение диалектов по линии а) лексики, б) синтаксиса; 4) в особом рассмотрении нуждается вопрос о месте, занимаемом луораветланским языком по отношению к диалектам нымыланского языка.

Всем этим вопросам посвящены следующие разделы этой работы. Рассматривая их, мы тем самым подготовляем языковой материал, необходимый для того, чтобы подойти вплотную к разрешению вопроса о происхождении диалектов нымыланского языка, по пути к разрешению которого настоящая статья является первым этапом.

S. STEBNICKIJ

LES DIFFÉRENCES PHONÉTIQUES DES DIALECTES DE LA LANGUE NYMYLANE
(KORIAK)

Résumé

La langue nymylane se divise en 8 dialectes. Le terme „dialecte“ est employé ici dans un sens conventionnel. Une analyse plus approfondie obligera dans la suite à reconnaître la plupart de ces dialectes comme des parlers. Les groupes formés par les Nymylanes parlant un même dialecte se distinguent entre eux non seulement au point de vue de la langue, mais aussi par certaines particularités économiques, sociales et idéologiques. Les caractères distinctifs fondamentaux des dialectes de la langue nymylane sont d'ordre phonétique. Les différences dans le domaine de la morphologie, de la syntaxe et de la lexicologie sont fort insignifiantes. Les différences phonétiques font conclure à l'existence dans la langue nymylane des trois processus phonétiques suivants: 1) processus de destruction de l'harmonie des voyelles, qui a pour résultat de diviser les dialectes en „dialectes en e“ et „dialectes en a“; 2) processus de dissociation des fricatives *c*, *c'*, *cc*, conduisant à la division des dialectes en „dialectes en *j*“ et „dialectes en *t* et en *r*“; 3) processus de transformation des diphtongues en monophthongues, qu'on observe dans les dialectes où les deux processus précédents sont le plus avancés. L'étude du degré de développement de ces trois processus dans chacun des dialectes de la langue nymylane conduit à la conclusion que la structure phonétique la plus ancienne s'est conservée dans le dialecte des Tchavtchouvaou (éleveurs de rennes nomades). Au contraire, dans le dialecte d'Aliutorsk, que parle le groupe de Nymylanes demi-nomade occupant le littoral de la mer de Bering depuis la baie de Korf au nord jusqu'à la rivière Tymlat au sud, nous trouvons tous les trois processus développés au maximum. Ces faits nous obligent à supposer que les deux dialectes ci-dessus sont des dialectes de la langue nymylane dans le sens étroit du terme (dialecte—langue de tribu). Quant aux autres groupements linguistiques, ils ne représentent que des parlers de l'un ou de l'autre de ces dialectes. Cette supposition est confirmée par les résultats de l'analyse plus détaillée, qui n'ont pas trouvé place dans le présent article.